

НИКОЛЬ ФОССЕЛЕР

НЕБО

над

Дарджиуингом

Москва 2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Гем)
Ф 81

Nicole C. Vosseler
DER HIMMEL ÜBER DARJEELING

Copyright © 2006 by Bastei Lübbe GmbH & Co. KG, Köln

Перевод с немецкого *О. Боченковой*
Художественное оформление *Д. Сазонова*

Фосселер Н.

Ф 81 Небо над Дарджилингом / Николь Фосселер ;
[пер. с нем. О. Б. Боченковой]. — М. : Эксмо,
2014. — 464 с.

ISBN 978-5-699-70720-1

Портрет, коралловые броши, бусы из венецианского стекла и смутные воспоминания о нежных прикосновениях пальцев, пахнущих лавандой и оливковым маслом, — вот все, что осталось мисс Хелене Лоуренс от матери. Тягу к странствиям и жажду жизни она унаследовала у отца. А еще массу долгов и ни единого пенни. С таким багажом сироте очень легко пуститься в авантюру и отправиться на край света. Или на чайную плантацию в Индию с таинственным мистером Невиллом, который сделал Хелене заманчивое предложение...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Гем)

© Боченкова О.,
перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-70720-1

Закрой глаза и скажи слово «Индия».

Р. Киплинг

Посвящается тем, кто носит на себе
шрамы жизненных битв,
но не потерял способности
любить, надеяться и верить.

Н. Фосселер

КНИГА

ПЕРВАЯ

ХЕЛЕНА

Пролог

Аргостоли / Кефалония, 13 августа 1864 года

Мои возлюбленные сестры!

Всего через несколько часов после того, как это письмо отправится в путь, мы также снимемся с места, даже если продолжение нашего турне обещает быть не таким интересным, как раньше. Я чувствую ваше беспокойство о моем здоровье и благополучии, однако спешу заметить, что мы еще ни разу не сталкивались здесь с какими-либо проявлениями враждебности или неприязни ни во время британского протектората, ни после передачи острова Иония Греции. Встречая неизменное радушие местного населения, трудно поверить тому, что пишут в газетах.

Тем не менее решение о возвращении созрело окончательно. Вот уже семь лет, как я покинула вас и Англию. Семь лет, которые пролетели, как какая-нибудь пара месяцев, и в то же время растянулись на целую вечность. Я уже плохо помню Лондон с его уличным шумом, с так непохожим на здешний фабричным дымом, туманами и, конечно, дождями, затяжными, холодными дождями.

Теперь нам предстоит обратное путешествие по морю, мимо Италии и Франции, — пусть не самый быстрый, зато наиболее приятный вариант, если только у нас хватит духу воздержаться от того, чтобы бросить прощальный взгляд на берега, ставшие нам за эти годы второй родиной. Через три,

самое большое четыре недели мы рассчитываем высадиться в Дувре, откуда я обязательно подам вам весточку.

Передавайте привет и наилучшие пожелания Теодору и Арчибальду от меня и от Артура.

На некоторое время перьевая ручка застыла в воздухе, однако вскоре снова заскользила по бумаге, оставляя за собой изящные буквы.

Было бы чудесно вернуться домой, зная, что отец больше не сердится на нас с Артуром и по крайней мере захочет взглянуть на внучку, которую до сих пор ни разу не видел.

Обнимаю вас крепко.

Целия.

Она глубоко вздохнула, словно освободилась от чего-то, и поднялась, шурша юбками. Сквозь ставни, защищавшие комнату от жары, доносился колокольный звон, который возвещал конец долгого рабочего дня. Оттуда же проникали запахи нагретого солнцем камня и сухой листвы.

Целия подошла к окну, створки которого были открыты вовнутрь, и отстегнула крючки на раме. Ставни распахнулись наружу, несколько раз с негромким, ритмичным стуком ударившись о стену, и комната наполнилась красноватым светом вечернего солнца, все еще жаркого, но не палящего, как днем.

Там, над зеркальными водами залива, лежал Аргостоли — столица острова, живописное нагромождение многоэтажных домов, чьи ослепительно-белые стены под черепичными крышами обещали спасительную прохладу. Между ними вздымались купола четырех церквей, наперебой оглашавших окрестности гулким в сонном воздухе звоном. Силуэты кипарисов и пиний вторгались в строгую геометрию улиц и классических архитектур-

ных ансамблей. В этот час город стихал, и даже время, казалось, текло медленнее, чем обычно.

Два пастуха в широких шароварах и жилетах поверх свободных блуз прошли мимо одинокого дома на выступе скалы. Они сзывали коз, бродивших в зарослях тимьяна. Оба помахали в воздухе белыми фесками, приветствуя красивую жену *англикос сографос* — английского художника, и Целия, кивнув, ответила по-гречески. Она долго смотрела, как они спускались к городу по усыпанной гравием дороге и как потом повстречали еще одну пару, взрослого и ребенка, поднимавшихся в гору среди голубых цветов пролески и алых ягод мастикового дерева.

Сердце Целии забилось сильнее, когда она узнала Артура, загорелого, как грек, с рыжеватыми прядями в выцветших на солнце темных волосах. На ремне через плечо висел сложенный мольберт, в другой руке Артур нес натянутый на деревянный каркас холст, как будто не заботясь о том, что покрывающая его свежая краска может выгореть на солнце.

«С самой юности я мечтал жить на берегах Ионии, Аттики или на любом из островов архипелага, у святой могилы юного человечества, — писал великий немецкий поэт Гёльдерлин. — Греция — моя первая любовь, и я не исключаю того, что она же будет последней». Артур часто цитировал эти слова, выражая ими и свои собственные мысли.

Сейчас Артур смуглый, как цыган. Это он втянул Целию в захватывающее путешествие, где она влюблялась в каждый город и каждую страну, как когда-то в него самого, своего нового учителя рисования с темно-синими глазами, способными видеть красоту во всем.

Рим — Вечный город, Неаполь и Сиракузы, Дельфы и Коринф, Саламин и Микены, Патры и Итака — таковы пункты их бесцельного странствия. Пять лет назад, пьяные от солнца и друг от друга, они любовались Акрополем. Именно там, в Афинах, и родилась Хелена.

А теперь они в Аргостоли, столице Кефалонии, которую местные жители называют островом чудес.

Здесь колыбель западной культуры, родина бесчисленных богов и героев, чья любовь и ненависть продолжают жить в мифах. Поэтому Артур и работает, словно одержимый некими могущественными духами, без усталости запечатлевая теплое море и скалы на своих холстах. Того, что платят за них английские, немецкие и французские путешественники, желающие увезти домой частичку этого пронизанного солнцем мира, Целии с Артуром вполне хватает на безбедную, хотя и не роскошную жизнь.

Целия слышит смех и обрывки греческих фраз. Это пастухи играют с Хеленой, которая повесила себе на шею холщовую сумку с отцовскими кисточками и красками. «*Хрисо му!*» — греческий язык очень звучный. «*Хрисо му!*» — «Мое золото»... Золотистые локоны окружают личико Хелены, подобно солнечному ореолу, и местами отсвечивают медью, в то время как светлые волосы Целии гладкие, как полотно.

Целия чувствует, как по ее спине пробегает холодок.

«*Хрисо му!*», — говорила старуха гречанка, тыча скрюченным пальцем в маленькую английскую девочку в легком белом платье без рукавов.

Старуха сидела на табурете возле одного из домов, окружавших рыночную площадь. Хелена забралась к ней на колени и беззаботно принимала ласки и поцелуи незнакомой пожилой женщины, как с младенчества привыкла в Греции. Смуглые пальцы трепетно касались раскрасневшихся от солнца щечек и непослушных волос. При этом старуха бормотала нежные слова, а потом вдруг принялась ритмично раскачиваться, и шепот ее стал монотонным, как будто она произносила заклинания:

— *Мои хрисей,* — слышала Целия, — ты рождена стать принцессой. — Тут морщины на лице старухи разгладились, и ее лицо приняло благоговейное выра-

жение. — Судьба приведет тебя на чужбину. Двое мужчин — враги — станут соперниками в любви, и ты раскроешь их общую тайну. Один из них составит твоё счастье. Но не обманись! Вещи не всегда таковы, какими кажутся нам с первого взгляда и какими мы хотели бы их видеть... — Потом она смолкла, и в пыльном воздухе, пропитанном сладковатым запахом винограда, на некоторое время повисла напряженная тишина.

— А можете ли вы сказать, какая судьба уготовлена мне и моему мужу? — неожиданно для себя спросила Целия.

Её голос прозвучал тихо, словно преодолевая некое внутреннее сопротивление, и был почти неслышен за базарным шумом. Старуха зажмурила глаза и некоторое время не двигалась, а потом резким движением распахнула морщинистые, как у жабы, веки. Её широко раскрытые глаза смотрели испуганно, Целии показалось, что в них мелькнуло выражение жалости или сострадания. Потом предсказательница приставила к губам высушенный палец и нарисовала им крест, как будто хотела защитить от чего-то не то Целию, не то себя саму.

Испуганная мать быстро сняла ребенка с колен старой ведьмы и поспешила прочь, взметая подолом пыль. Сердце её похолодело, и все вокруг показалось вдруг мрачным и враждебным.

Тот страх так и не прошел. Целия знала, как ей будет не хватать Греции — её почти физически ощутимого света и контрастных теней ландшафтов, её сухих равнин, покрытых зарослями чертополоха, и запаха древесного угля в пиниевых рощах, стрекота её цикад и искрящегося солнцем воздуха, пропитанного испарениями земли и морской соли. Однако с тех самых пор Целия никогда не чувствовала себя здесь в полной безопасности.

Она сложила руки на ещё плоском животе, покрытом нежным муслином платьем, и молча помолилась о своей семье и будущем ребенке.

1

Корнуолл, ноябрь 1876 года

о изношенным половицам зашуршала тяжелая черная юбка, неприятно громко застучали низкие каблуки. На пороге она остановилась, чтобы перевести дыхание или набраться мужества, а потом глубоко вздохнула, ощутив в руке холод потертой дверной ручки, и неслышно ступила в комнату.

В лющемся из окон свете висела пыль. Посредине комнаты стоял старый письменный стол. Громоздящиеся на нем кипы бумаг и валяющиеся повсюду сломанные и испачканные чернилами авторучки свидетельствовали о том, что здесь недавно работали. Рядом было кожаное кресло с дырявой местами обивкой. Стены вплоть до черных от сажи потолочных балок покрывали полки, заставленные и заваленные книгами, распространявшими запах плесени. Солидные тома в переплетах из потрескавшейся и выцветшей кожи — сочинения Платона, Аристотеля, Плутарха и Гомера, многие из которых наличествовали здесь не в одном издании, труды по археологии, философии, риторике и грамматике лежали и на полу, поодиночке, стопками и образуя угрожающе шаткие пирамиды.

Здесь было святилище ее отца.

Она не без труда отыскала тропу в этих непроходимых джунглях учености. На беспорядочно набросанных листках бумаги лежал зачитанный том с пожелтевшими и изорванными страницами. Вероятно, его отец читал последним.

*Целия, встречи жду с тобой,
Чтоб начать любовный бой.
Наше время быстротечно,
Наслаждение не вечно.
Солнце село, но ведь снова
Засиять оно готово.
Не поймаем свет сейчас,
Будет вечной ночь для нас¹.*

За мутными оконными стеклами просматривались море и пустынный берег, серебряный в холодном свете ноябрьского дня.

— Мистер Уилсон ожидает внизу.

Хелена не заметила, как в комнату вошла Маргарет, и потому не сразу отреагировала на ее слова.

— А ведь раньше мне не приходило в голову, что он всегда работал спиной к морю, — беззвучно прошептала она.

Эдвард Уилсон, представитель адвокатского бюро «Уилсон и сыновья», презрительно оглядел помещение, вероятно, претендовавшее на статус гостиной. Вполне возможно, оно, как и все остальное в этом доме, знавало лучшие времена. Но теперь дерево давно вышедшей из моды мебели потемнело и было местами оцарапано, обивка пастельных тонов полиняла и выцвела. Кое-где проступали следы неумелого ремонта, однако, очевидно, игра не стоила свеч.

«Край Света» — вот самое подходящее название для этого богом забытого места. Уилсон уж думал, извозчик заблудился или в сговоре с разбойничьей шайкой, когда увидел перед собой этот полуразрушенный дом, одиноко высившийся на скале, у подножия которой пенилось море. Холмы, зеленые и пышные в глубине острова, выглядели здесь тоскливыми каменистыми

¹ Из «Песен Целии» английского поэта Бена Джонсона (1572–1637), перевод Александра Лукьянова.